

Гастроли «Большого балета» стали крупнейшим событием года в художественной жизни Америки. Не только «звезда» московской труппы Майя Плисецкая, — а, как известно, у себя американцы признают лишь «звезду», — но и все члены нашего коллектива на время гастролей стали модными, популярными людьми. наших артистов часами ожидали у отеля «Гouvernor Клинтон», у артистического входа, ловили в музеях, на выставках, куда мы стремились вырваться в любую свободную минуту — но их, увы, было так мало! Автографы на фотографиях, театральных программах, на советских книгах о балете стали драгоценными сувенирами. Нам наперебой приглашали на приемы, спектакли местных трупп, просто на домашние вечера. Советских артистов избирали почетными членами различных обществ.

«Большой балет» (так теперь во всем мире зовут балетную труппу Большого театра) имеет за океаном огромный и прочный успех. Это не сенсация дня, которая поначалу ослепляет, но быстро проходит, это действительно художественный успех. Американцы, любящие громкие эпитеты, называют его «триумфальным», «шляпанским», «космическим»...

Но, может быть, даже ярче, чем эти эпитеты, о действительно успехе и популярности московской труппы говорит одна любопытная деталь.

Как известно, реклама играет в американской жизни первостепенную роль.

Прилетев в Нью-Йорк, мы не обнаружили ни одного рекламного щита с именем «Большого балета». Признаться, мы сначала даже растерялись. Мы были уверены в себе и в своем искусстве, но первая встреча оказалась уж очень «не американской».

Только после премьеры «Лебединого озера», когда занавес пришлось открывать

примерно тридцать раз, когда зрительный зал опустел лишь после того, как был опущен тяжелый пожарный металлический занавес, мы поняли, что встреча была, напротив, вполне американской.

Компания Сола Юрока, организовавшая гастроли, рассчитала все точно. В самом деле, зачем рекламировать то, что и без рекламы «обречено на успех». И, как видишь, опытный Юрок не просчитался.

Мы показали в Америке девять балетов и одну большую концертную программу. Это «полнометражные» спектакли — «Лебединое озеро», «Жизель», «Спартак» и одноактные балеты — «Шопениана», «Паганини», «Класс-концерт», «Вальпургиева ночь» из оперы «Фауст», четвертый акт «Гаян» и картина «Тени» из «Баядерки».

Надо сказать, что в таком подборе гастрольного репертуара был известный риск. Дело в том, что «Лебединое озеро», «Жизель» и «Вальпургиева ночь» уже знакомы американцам по нашим гастролям 1959 года, а «Баядерка» — по недавним выступлениям Ленинградского театра имени Кирова. Причем, «Жизель» американцы видели с Галлиной Улановой — непревзойденной исполнительницей заглавной роли, а «Лебединое озеро» — почти с тем же, что и теперь, составом исполнителей.

Но опасения оказались напрасными: именно классика, нечно живая, нестареющая классика произвела потрясающее впечатление на американскую публику, задала тон гастролям, оправдала надежды тех, что с нетерпением ждал нашего триумфа, опровергнула расчеты тех, кто думал присутствовать при нашем провале.

Мы с радостью смотрели, как бурно, с неистовым восторгом принимают зрителя Майю Плисецкую в ее коронной партии

Одетты-Одиллии и полюбовавшуюся еще по предыдущим гастролям Нину Тимофееву. Мы гордились тем, что наши молодые prima-балерины — Марина Кондратьева и Екатерина Максимова с честью продолжают традиции «русской Жизели», традиции своих великих педагогов Марины Семеновы и Галины Улановой.

«Кондратьева является первоклассной балериной... Это одна из самых замечательных Жизелей, которых мы когда-нибудь видели», — писал в «Нью-Йорк миррор» критик Роберт Колеман. «Балет Большого театра», — вторил ему Франк Херидж из «Нью-Йорк пост», — представил нам вчера вечером исключительно очаровательную Жизель — Марину Кондратьеву. В длинном ряду Жизелей из Европы и Америки она, без сомнения, входит в число двух или трех наилучших».

Было бы, конечно, непростительной наивностью рассчитывать, что все наши спектакли вызовут одинаковый прием. Художественные вкусы, привычки, взгляды на искусство советских и американских зрителей различны: то, что нравится одним, не обязательно понравится другим.

Впреки нашим ожиданиям, американская пресса встретила балет «Паганини» довольно холодно, тогда как публика устроила спектаклю самый восторженный прием.

Нам хочется думать, что права все же публика: она лишена тех предрассудков, с позиций которых критика оценивала это произведение. Как можно понять по статьям, в своих рассуждениях и оценках критики базировались на впечатлениях, полученных от балета Михаила Фокина. Но еще Пушкин предупреждал, что художника надо судить по законам, которые он сам над

собой поставил. По рассказам очевидцев, Фокин интересно, талантливо, но слишком субъективно и односторонне истолковал судьбу Паганини. Лавровский и Ярослав Сех (впрочем, его исполнительскому мастерству газеты полностью воздали должное) по-своему взглянули на жизненную трагедию гениального скрипача и воплотили ее в формах современного танцевального спектакля. И сделали это ярко и вдохновенно, сделали как настоящие художники, как мастера советской школы классического танца.

Приоритет и художественные достижения этой школы признаны всем миром, у нее учатся, ей подражают, ей завидуют, стараются распознать ее «секреты». Свообразным ключом к этим секретам явился «Класс-концерт», или, как называли его американцы, «Балетная школа» — театрализованый показ основ классического танца. Здесь сама школа, танец как таковой, утверждается как непреходящая эстетическая ценность.

Если бы, как обычно, после каждого номера артисты выходили на аплодисменты, одноактный «Класс-концерт» захватил бы собой весь вечер — как минимум. Даже Аллен Хьюз, во многих статьях которого о советском балете недобрежелательность далеко опережает объективность, писал в «Нью-Йорк таймс»: «Если вы хотите увидеть самую захватывающую демонстрацию самой ослепительной в мире техники исполнения, посетите в Метрополитен-оперу на «Балетную школу». Даже если вам не хочется пойти, все равно сделайте это, и вы не пожалеете!».

Светлана ИВАНОВА.
Артистка балета Большого театра,
специальный корреспондент АПН.